

Лёд

Андрей Николаев

Андрей Николаев

Лёд

<https://litres.ru/74633197>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ледовая переправа. Два человека. Один грузовик. История о цене молчания и о том, что лёд, как совесть, не прощает компромиссов.

Содержание

Глава первая. Лунка	4
Глава вторая. Колея	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Николаев

Лёд

Глава первая. Лунка

На берегу реки в десять минут четвёртого утра стоял сухой мороз — градусов девять, без ветра. Прожектор на столбе вырезал из темноты пандус, вагончик с жестяной трубой, из которой шёл прямой дым, и шлагбаум, опущенный поперёк съезда на лёд. Рядом на стойке горел красным светофор. Дальше свет кончался. Река лежала серой плоскостью, и по ней двумя рядами уходили вежи с отражателями: первая пара, вторая, десятая, потом одни искры, потом ничего.

Геннадий Лобанов стоял на коленях у контрольной лунки, в двадцати метрах от оси трассы. Он снял с неё деревянный колпак, набитый изнутри ватином, пробил пешнёй корку, схватившуюся за вечер, и выбрал шугу ковшом на длинной ручке. Вода стояла в двух пальцах от кромки. Почти вровень, как положено: лёд лежал на воде, а не висел над ней.

Он взял ручную пилу, выпилил из стенки лунки брусок в полторы ладони и поднёс к фонарю. Сверху лежал белый слой, похожий на схватившуюся кашу. Ниже шли прозрачные полосы с зеленью. Он согнул брусок в руках. Тот поддался сразу, без щелчка, и рассыпался на длинные тонкие

иглы, которые зазвенели о наст.

Иглы остались у него на ладони. Вода пошла по колее в понедельник. Сегодня была третья ночь.

Он стряхнул их, опустил в лунку рейку с загнутым концом, подцепил нижнюю кромку, потянул вверх и прочитал число. Снял рукавицу зубами, достал из внутреннего кармана клеёнчатую тетрадь, разграфлённую им самим, и записал карандашом, потому что ручка на таком морозе мажет: номер лунки, сторона, чистый, мутный, снеговой, снег, воздух. Цифры заняли две строчки. Он посмотрел на них и закрыл тетрадь.

— Геннадий Петрович, а знак куда? — Витя шёл от вагончика, прижимая к груди красный прямоугольник с белыми буквами на стальной стойке. Шуруповёрт болтался у него на локте. Двадцать два года, сигнальный жилет поверх куртки, шапка набекрень. — На шлагбаум?

— На шлагбаум не вешают. На стойку у съезда.

— Когда?

— В шесть. Не раньше.

— А если лёд раньше уйдёт?

— До шести стоит. Ставь на шесть.

Витя повёл фонарём по насту и остановился.

— Это чьё?

От пандуса по колее уходила цепочка мелких следов. Лобанов не поднял головы.

— Лиса.

— Куда её понесло?

Луч шёл вдоль следа, мимо первой пары вех, второй, до третьей. Там наст темнел: вода лежала на колее широким мокрым пятном. След подходил к самому краю тёмного, стоял, два отпечатка рядом, и поворачивал обратно. Лапа в лапу, каждый отпечаток точно в свой прежний.

— Умная, — сказал Витя.

— Неделю ходит, — сказал Лобанов. — Только по колее.

Он поднялся, держась за колено, подобрал пилу и пешню и пошёл к вагончику. Витя постоял с лучом на последнем отпечатке и пошёл следом.

В вагончике было жарко: под столом работала масляная батарея, на плитке булькал чайник, пахло растворимым кофе и мокрой ватой. За стеной ровно, как швейная машина, стучал генератор. Зоя, мастер переправы, женщина лет сорока пяти в вязаной безрукавке поверх формы дорожного управления, сидела над паспортом переправы. Это была толстая прошнурованная папка в картонной обложке, раскрытая на странице «Эксплуатация переправы». Записи шли столбиком, по числам, её круглым почерком. Последняя была вчерашняя: «На колее вода на большом протяжении, у обоих берегов забереги. Переправа для всех видов автотранспорта закрыта с 6:00». На полке шипела рация.

Лобанов вошёл, постоял, пока с него сходил пар, и сел на табурет у двери.

— Расписывайся, — сказала Зоя и повернула к нему пас-

порт.

Под вчерашней записью уже стояли его ночные строки: лунки, чистый, мутный, снеговой, карандашом, его почерком. Ниже к странице был подклеен машинописный лист: «Акт изменения грузоподъёмности», цифра «10 т» и подпись в углу, под которой значилось: «ответственный за состояние переправы».

Лобанов взял ручку и расписался под своими строками. Акт он обошёл.

— Петрович, — сказала Зоя. — Там тоже подпись нужна.

— Моя вот эта.

— Утром из конторы позвонят.

— Пусть звонят.

— Мне домой надо, я со вчерашнего утра сижу. Ты хоть сегодня не начинай.

— Я не начинаю.

Рация щёлкнула, и голос Вити, уже со съезда, сказал:

— Зоя Андреевна, на спуске машина. Просят пропустить.

— Какая машина в три сорок?

— Служебная. Говорят, Шатров.

Зоя положила ладонь на подпись в углу акта и посмотрела на Лобанова. Он смотрел на свою тетрадь, лежавшую на колене.

— Скажи ему: закрыто.

— Я сказал. Он говорит, что сам скажет.

Зоя выдохнула, сняла с гвоздя куртку и вышла, оставив

дверь открытой. Холод пошёл по полу к батарее.

Служебный «Патриот» стоял поперёк колеи с включёнными габаритами. Мотор работал, из выхлопной трубы поднимался белый столб. Шатров уже вышел и стоял у стойки на утопанном снегу. Евгений Борисович, шестьдесят лет, главный инженер дорожного управления, высокий, в длинном тёмном пальто и ушанке, которую носил так, словно её выдали на этот случай. Ботинки на нём были городские, кожаные, с тонкой подошвой. В левой руке он держал тонкую пластиковую папку.

— Зоя Андреевна. Доброе утро.

— Евгений Борисович, по паспорту закрыто с шести. А с двадцати трёх у нас и так только скорая, пожарные и полиция, и то с заданием.

— Задание есть. Служебное.

— Чьё?

— Моё. В правилах пользования переправой есть пункт о неотложных служебных заданиях. Правила утверждал я.

— В правилах вы не аварийная служба, а главный инженер.

— Я ответственный за состояние переправы. Мне и решать, что на ней неотложно.

— Закрывала я, — сказала Зоя.

— Закрывали вы, подписал я, — сказал Шатров. — Я вас не прошу нарушать, Зоя Андреевна. Я спрашиваю, кто сегодня на тягаче.

— Никого. Смена закончена.

— Смена закончена, а лунки кто-то бурит.

Зоя промолчала. Витя, стоявший у стойки со знаком в руках, сделал вид, что очень занят шурупами.

Свет прожектора шёл от съезда к вагончику, и в этом свете у ближней лунки темнела согнутая фигура. Шатров смотрел на неё так, будто пересчитывал.

— Лобанов, — сказал он.

— Он не повезёт, — сказала Зоя.

— Я не спросил, повезёт ли он.

Он обошёл её, не повышая голоса и не ускоряя шага. Подошвы скрипели по насту, как по крахмалу. Зоя шагнула было следом и остановилась. Она стояла, сунув руки в карманы куртки, и смотрела, как он идёт по свету к тёмному краю, где человек с пешнёй уже поднимался ему навстречу.

Лобанов налил в железную кружку чаю и не сел. Шатров снял перчатки, положил на стол, спросил, можно ли, и сел на табурет, на который ему кивнули. Папку положил рядом, не раскрывая. Зоя осталась снаружи. За тонкой стеной она говорила Вите что-то вполголоса.

— Геннадий Петрович, мне нужно на тот берег. К семи.

— Закрыто.

— Я знаю. Подпись стоит и моя.

— Вот и знаете.

— Я знаю, что в паспорте. Вы знаете, что на льду. Поэтому я здесь, а не звоню по телефону.

Лобанов отпил.

— Я без замера не вожу. Дальние лунки, на середине и у левого, делал в полночь. Это три часа назад.

— Сделайте заново.

— Это час. Вы мне часа не дадите.

— А сколько у нас?

Лобанов посмотрел на часы над дверью. Стрелки показывали без четверти четыре.

— Что у вас в семь?

— В район приедет человек из следственного. Хочу прийти раньше, чем он начнёт слушать других. По Кулику.

— По Валере два года назад всё сказали.

— Сказали то, что лежало в бумагах.

— Приезжайте днём. Через месяц паром пойдёт.

— Через месяц всё решат без меня.

— Нет, — сказал Лобанов и поставил кружку.

Шатров не стал спорить. Он повертел в руках перчатку, положил её на другую и некоторое время смотрел на стол. Генератор за стеной стучал. Потом он сказал, не поднимая глаз и очень спокойно:

— Двадцать два и восемнадцать.

Лобанов, потянувшийся было за карандашом, остановил руку.

— Ты мне их продиктовал, Гена, — сказал Шатров. — В шесть пятнадцать, по телефону. Я записал. Он выехал в шесть сорок.

В вагончике стало слышно, как капает с чайника на плитку. Лобанов смотрел на часы над дверью. Секундная стрелка прошла круг. Он достал из внутреннего кармана клеёнчатую тетрадь, подержал в руке, не раскрывая, и убрал обратно.

— Поедем по трассе, — сказал он. — По вехам. Ни шагу в сторону. На середине встану, замеряю. Не понравится — разворачиваемся.

— На льду разворачиваться запрещено.

— Тогда понравится.

Шатров впервые поднял на него глаза. Он кивнул.

— Ремень не пристёгивать, — сказал Лобанов. — Дверь не запирать. Скажу выходить — выходить, что бы ни было в руках.

— У меня только папка.

— Папку можно.

Шатров посмотрел на пластиковую папку, лежавшую рядом с перчатками. Взял её со стола и сунул под пальто.

Лобанов вышел. Холод ударил его в лицо, и он не отвернулся. Зоя стояла у стены вагончика. Витя поставил знак на снег и держал шуруповёрт обеими руками.

Лобанов прошёл мимо них к «Уралу».

Оранжевый тягач с лебёдкой в бампере и маячком на кабине стоял у вагончика под слоем инея. Он влез в кабину, подёргал рычаги, завёлся. Дизель схватился со второго раза, дрожь прошла по раме, и в зеркале поднялся выхлоп. Он включил фары. Свет лёг на пандус, на опущенный шлагбаум,

на колею, уходящую в тёмное. Через луч, от колеи к краю света, шла цепочка мелких следов: один отпечаток, другой, третий. Потом они ушли из света.

Глава вторая. Колея

Красный стенд со спасательными средствами на краю площадки. Над рекой слышались только генератор и дизель «Урала», прогревавшийся на холостых. На гвоздях стенда висели спасательный круг с верёвкой, два багра, моток каната и оранжевые жилеты, один на другом, схваченные морозом.

Лобанов снял два жилета и встряхнул, чтобы они отлипли друг от друга. Канат пропустил сквозь пальцы по всей длине, проверяя, нет ли узлов и не отсырел ли он. Из-за стенда вытащил шест: пять метров сухой прямослойной жерди толщиной в запястье. Донёс до тягача, уложил в кузове вдоль борта и притянул ремнём к стойке. Багор положил рядом. Два щита из толстых досок, сбитых поперечными планками, забросил в кузов один за другим. Ледобур, пешню и пилу сунул в ящик у борта. Канат закинул в кабину, на пол, под сиденье Шатрова.

На краю площадки, в пятнадцати шагах от стенда, где кончался накатанный снег, стоял крест, сваренный из двух стальных труб. Венок из синтетических цветов занесло снегом на две трети. Под ним была прибитая жестяная табличка с надписью чёрной краской: «Кулик В. Н.» Лобанов провёл по табличке рукавицей, сбивая иней, и поправил венок, чтобы тот не лежал на снегу. Шапку он не снимал. Постоял недолго.

В освещённом дверном проёме вагончика стоял Шатров, прижимая локтем папку под пальто, и смотрел, как он стоит.

Внутри кабины пахло соляжкой, горячим металлом и давно остывшим табаком. Печка гудела, на лобовом стекле расходилась оттаявший круг. Рация висела на кронштейне, на торпеде в целлофановом пакете лежал бутерброд, замёрзший до твёрдости кирпича.

Шатров поднялся в кабину с третьей попытки: ступенька была высокая, подошва скользила. Лобанов не помогал. Когда тот уселся, подтянул полы пальто и устроил папку на коленях, Лобанов протянул ему жилет.

— Надень.

— Поверх пальто?

— Поверх.

Шатров надел жилет, нашёл застёжки и защёлкнул их одну за другой, аккуратно, как делают то, что видели на плакате. Лобанов надел свой поверх куртки. Ремень безопасности он вынул из замка и заправил за спинку сиденья, чтобы не болтался.

— Дверь прижми, но не защёлкивай. Вторая передача, десять километров в час. Остановок нет. Дистанции нет, мы одни. Если встанем, сидишь и молчишь, пока я не скажу.

— Если встанем, — сказал Шатров, — по правилам тягач идёт на помощь.

— Мы и есть тягач.

Шатров приоткрыл дверь, поставил ногу на подножку, за-

творил обратно и снова приоткрыл, на ширину ладони, и придержал рукой. Лобанов включил в кабине свет. Достал тетрадь, раскрыл на колене и посмотрел на последние строки.

Двадцать четыре чистого, шестнадцать мутного. Мутный идёт за половину: двадцать четыре и восемь — тридцать два. «Урал» порожний восемь триста сорок по паспорту, с Шатровым, шестом, канатом и полным баком — восемь пятьсот. По таблице, при средней за трое суток минус семь, для восьми пятисот нужно тридцать пять. Не хватало трёх.

— Хватает? — спросил Шатров, глядя на тетрадь.

— Трёх сантиметров не хватает.

— Таблица составлена с запасом.

— Я знаю, какая она.

Шатров промолчал. Лобанов закрыл тетрадь, убрал её во внутренний карман, потушил свет и снял с кронштейна трубку.

На съезде перед шлагбаумом стоял красный восьмиугольник, а рядом на стойке висело табло со сменными табличками: «10 т», «10 км/ч», «30 м», «6:00–22:00». Светофор горел красным. «Урал» прошёл мимо него и встал, как положено, у шлагбаума. Лобанов поднёс трубку ко рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.